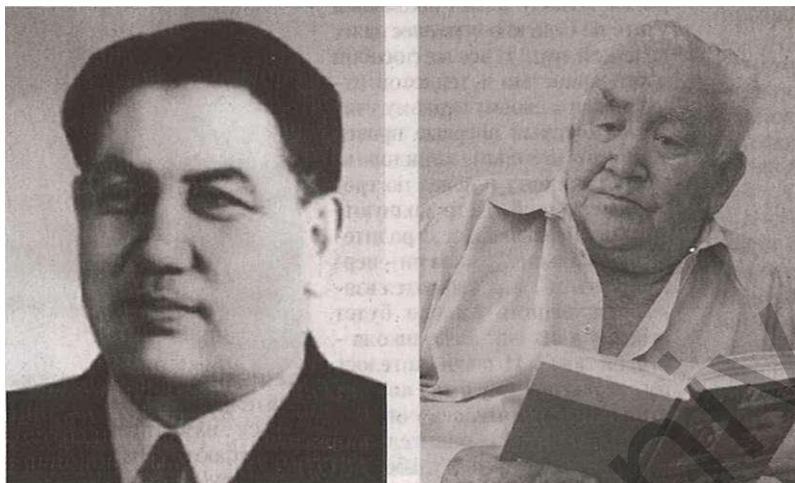

Малышев, В.

Они всегда будут рядом: [Е.А.Букетов и К.А.Букетов] / В. Малышев // Индустриальная Караганда. - 2013. - 5 октября (№138).

В декабре исполнится 30 лет, как нет с нами Евнея Арстановича Букетова, а в октябре - 40 дней без того, кто каждый год, день и час был для нас живой памятью о своем великом брате, - Камзабая Арстановича.

В последние годы он тяжело болел, да и раньше, пожалуй, все эти тридцать лет недуги не отпускали Камзабая Арстановича. То давление, то сердце, то диабет часто укладывали его на больничную койку. И в эти дни он особенно становился активным: ведь по доброй традиции и по нашей суматошной жизни посещения больного, помимо всего, становились чуть ли не самыми подходящими для регулярного обсуждения тех или иных дел, связанных с увековечением памяти Евнея Арстановича. А дел немало, и о них хорошо известно, но самое главное - эти дела шли до самого последнего времени по нарастающей.

Вот последний, за неделю до кончины, звонок: "Виталий Павлович, не за горами 90-летие Евнея Арстановича (в 2015 году -в.м.). Надо к этому подготовиться заранее. Вам что-нибудь известно по этому поводу?" - "Да, конечно, появилась идея о создании капитальной книги по образу и подобию энциклопедии о Каныше Имантаевиче Сатпаеве, но я что-то не представляю, как можно сухим телеграфным языком рассказывать, да еще в алфавитном порядке и вперемешку со сведениями по научной терминологии о таких живейших людях, как Букетов или тот же Сатпаев?" - "А кто этим занимается?" - "Университет, а там проректор Хылыш Омаров".
- "Дайте мне его номер телефона, а Вас попрошу, Виталий Павлович, напишите к юбилею еще что-нибудь о Евнее Арстановиче". Я обещал.

И вспомнился мой первый опус о моем учителе, вообще, кажется, первый после долгого замалчивания его имени в прессе, опубликованный в "Индустриальной Караганде" совместно с Джанторе Нурлановичем

Абишевым в день 60-летнего юбилея покойного академика. Там обошлось без перечня заслуг, а было только живое восприятие незабываемой личности, какой был Евней Арстанович.

То же самое, но больше с житейской стороны и гораздо непосредственнее воплотилась в статьях и книгах Камзабая Арстановича о брате. От них невозможно оторваться, как от родникового источника, с безыскусным и предельно правдивым, чистым описанием совместной жизни с детских лет до самых последних дней. Вот такая энциклопедия может затронуть кого угодно!

Но сам Камзабай Арстанович поначалу думал об этом иначе, считая, что нужно переиздавать все подряд, опубликованное или оставленное в рукописях Евнеем Арстановичем. Лет пятнадцать назад он обратился ко мне с предложением, чтобы я занялся этим по научной части. Зная все секреты нашей научной кухни, я воспротивился, поясняя, что лучше ограничиться избранными трудами, потому что неизбежны повторы одних и тех же материалов в публикациях разного уровня и объема - от конференций и сборников до статей в рецензируемых журналах, как сейчас говорят, с импакт-фактором. Обычно избранные труды комплектуются самим сочинителем, но его нет и как тут быть? Я предложил ограничиться только академическими изданиями в соответствующих журналах союзного и республиканского уровня, и в 1999 году такая книга вышла, как мне кажется, под стать подлинно академическому статусу Евнея Арстановича Букетова и к явному удовольствию его брата.

И вот здесь мне хотелось бы особенно подчеркнуть подлинность академического звания, а лучше сказать - призвания Евнея Арстановича. Ведь что такое академия в изначальном смысле этого слова? Это еще со времен Платона прежде всего научная школа. Вокруг него собирались для обсуждения любых тайн природы жаждущие познания. Но для этого в центре должна быть притягательная личность, своеобразный аттрактор, говоря современным языком физики. Такой язык все больше наполняется философским содержанием, и такие термины, как информация, бифуркация, фракталы, графы, уже всюду используются как рабочие физиками, математиками и философами для проникновения в неизведанные глубины мироздания и личности. Но больше всего, кажется, претендует на самое обобщенное представление того, что творится вокруг нас и в самих нас, это аттрактор. Из бесформенного состояния любой системы и любых стартовых позиций она под воздействием единых законов эволюции стремится в некоторое вполне определенное структурное, организованное положение. Аттрактор - это одновременно и цель и путь для ее достижения, своеобразное притягивающее кружение. Возможно, по-казахски это будет звучать более емко, вроде как *айналайын*.

Вот таким аттрактором и был Евней Арстанович, в чем я убедился в самом начале его появления в Химико-металлургическом институте в далеком теперь уже 1960 году, когда от академика В.В. Михайлова из института разбегались кто куда приехавшие со всех концов Союза молодые

специалисты. Благодаря искренней приверженности к науке и чисто человеческой притягательности Евнея Арстановича, тогда всего лишь кандидата наук, на полную мощность заработал его аттрактор, сконцентрировавший все лучшие силы института, и который до сих пор действует в качестве созданной им незыблемой научной школы. Во всем - от умения ставить эксперимент до получения математической модели процесса на его основе, ясного изложения полученных результатов на бумаге и в любой аудитории, создания новых научных направлений и их практического воплощения - Евней Арстанович был образцом, от которого хотелось перенять это умение, тем более что и обучение такому мастерству проводилось им талантливо как в личных беседах, так и на научных семинарах, поднятых им, можно сказать, на самый демократический, платоновский уровень.

Стоит ли говорить, что столь же мощное воздействие этого природного аттрактора испытал на себе его брат, находясь с ним рядом с малых лет и будучи вовлеченным во всю круговерть его жизни? Так что вполне объективно миссия притягательности академика Е.А. Букетова продолжилась его братом с пониманием ее необходимости и ответственности за высокий уровень ее воплощения. Здесь единственным критерием при выборе той или иной формы реализации наследия академика может быть ответ на вопрос - а как бы сам Евней Арстанович отнесся к этому, зная его предельную взыскательность к смыслу, строгости и ясности каждого своего опубликованного произведения, каждого в нем слова? Об этом мы не раз беседовали с Камзабаем Арстановичем, и он был всегда неподкупным цензором любых попыток исказить ради красного словца или иных соображений правду об академике. Не как брат и даже совсем не как брат, а как хранитель правды о человеке, чья судьба была частью истории большого народа на евразийском пространстве. Теперь и сам Камзабай Арстанович должен остаться неотъемлемой частью исторического музея, созданного им для сохранения памяти о Евнее Арстановиче, и эти имена были и всегда будут рядом.